

Цзи Ло долго всматривался в лицо Хан Сиэня. Он молчал, так и не решаясь заговорить о том, что тяготило его душу. И дело было вовсе не в отсутствии желания — просто под этим пронзительным, всё понимающим взглядом слова застревали в горле.

Сам Хан Сиэнь заводить разговор не спешил. Он лениво сидел на траве у самого обрыва, безучастно созерцая раскинувшееся перед ним ущелье Храма Вечного Покоя.

Вид с обратной стороны горы завораживал, но ветерок здесь дул промозглый. Вскоре Хан Сиэнь почувствовал, как от влажной земли колени начинает неприятно ломить от холода. Он уже начал терять терпение, когда тишину нарушил негромкий голос Цзи Ло:

— Я был неправ.

Хан Сиэнь обернулся. Цзи Ло смотрел на него с горькой, вымученной усмешкой. Пожалуй, главным достоинством Цзи Ло в этой новой, дарованной ему жизни было умение признавать собственные ошибки.

Глубоко вздохнув, принц искренне произнёс:

— Я слишком многого требовал от тебя, посчитав твоё согласие само собой разумеющимся. Пожалуйста, не принимай близко к сердцу то, что произошло сегодня.

Вмешательство в дела гарема, интриги Вдовствующей императрицы и соперничество принцев — опасная стезя, способная любого довести до плахи. Каким бы баловнем судьбы ни казался Хан Сиэнь в глазах императора, стоило ему хоть словом обмолвиться о подобных вещах, и государь тут же заподозрил бы его в попытке выведать тайны правящей династии. А такое владыки не прощают.

Нынешнее благоволение императора держалось лишь на одном: в глазах Хан Сиэня не было и следа жажды власти, а сам он всегда знал меру и держался подчёркнуто независимо. Но свяжись он с кем-то из наследников, и хрупкое доверие монарха разлетелось бы вдребезги. Для человека, лишённого реального политического веса и выживающего лишь за счёт монаршей милости, это было бы смертным приговором.

Цзи Ло же не просто рассчитывал на его заступничество, но и втайне изводил себя подозрениями. Втянуть человека в смертельную авантюру, едва прикоснувшись к тайне, и подставить его под удар вместо себя — это было низко.

Он попытался применить к Хан Сиэню свои привычные методы манипуляции, напрочь позабыв, что перед ним не услужливый советник из его прошлой жизни. Хан Сиэнь демонстративно сторонился двора и знати. Да, они вместе прошли через суровые испытания в Цзяннани, но это вовсе не давало права распоряжаться его судьбой.

Глядя на безразличное, отрешённое лицо юноши, Цзи Ло отчётливо осознал: если он не объяснится прямо сейчас, то после возвращения из Храма Вечного Покоя они больше никогда не заговорят как прежде.

Этому человеку были чужды и власть, и слава, и пустые знакомства. Стоило переступить черту его дозволенного, как он, не говоря ни слова, вычёркивал тебя из своей жизни навсегда.

Высказав всё наболевшее, Цзи Ло почувствовал, как с души спала тяжёлая ноша. В прошлой жизни его окружали блестящие умы, но Хан Сиэнь стоял особняком — в нём чувствовалась иная, непостижимая суть. К тому же принца до сих пор мучил вопрос: почему в этом воплощении судьба Хан Сиэня столь разительно отличалась от прежней?

На это внезапное покаяние Хан Сиэнь лишь едва заметно приподнял веки, давая понять, что извинения приняты.

Холодность собеседника не задела Цзи Ло. Зная крутой нрав Хан Сиэня, следовало радоваться уже тому, что тот не развернулся и не ушёл посреди разговора.

Однако пронизывающий ветер у обрыва становился всё сильнее. Помня о слабом здоровье Хан Сиэня, Цзи Ло не решился дольше держать его на холоде. Неловко кашлянув, он поспешно сменил тему:

— Что-то погода портится. Когда мы ехали сюда, небо было чистым, а теперь вон какие тучи набежали. Похоже, собирается дождь. Может, вернёмся сюда в другой раз?

Хотя Хан Сиэнь и относился к вопросам жизни и смерти с полным равнодушием, лишний раз испытывать судьбу и проводить недели в постели за приёмом горьких отваров ему не хотелось. Он молча согласился и повернул назад, прочь от сырого ущелья.

Перед уходом Цзи Ло созвался со своими людьми, тайно размещёнными при храме. Отряд оказался небольшим, но внушительным — ровно двадцать преданных воинов. Столкнувшись с вопросительным взглядом Хан Сиэня, принц сохранил абсолютное хладнокровие.

Слова Цзи Ло оказались пророческими. Стоило им начать спуск к столице, как погода окончательно испортилась: поднялся резкий ветер, и хлынул плотный холодный ливень.

Хан Сиэнь укрылся в повозке, защищённый от непогоды, а вот Цзи Ло, ехавшему верхом, повезло меньше — вода мгновенно промочила его до нитки.

Дождь расходился всё сильнее, и конца ему не предвиделось. Пришпорив коня, Цзи Ло поравнялся с экипажем Хан Сиэня и постучал в стенку:

— В Храме Вечного Покоя сейчас наверняка яблоку негде упасть от паломников, прячущихся

от грозы. Туда соваться бесполезно. Но здесь неподалёку есть моё скромное поместье — оно старовато, зато там можно переждать ненастье. Едем туда?

Хан Сиэнь приоткрыл занавеску. Холодные капли тут же коснулись его щеки. Смерив взглядом промокшего принца, он коротко бросил:

— Едем.

Усадьба Цзи Ло находилась в стороне от тракта. Земли там было предостаточно, но гористая местность и каменистые, изрезанные оврагами крутые дороги делали её малопригодной для жизни. Лишь кое-где виднелись разрозненные клочки пашни. Не будь эти уголья столь заброшенными, уездный князь никогда бы не получил во владение кусок земли так близко к столице.

Окружённая густым лесом дорога вилась меж холмов, колеса то и дело проваливались в размытые ямы, отчего повозку нещадно трясло. Скорость упала. Сидевший на козлах Ань Цао извелся от страха: его левое веко непрерывно подёргивалось, а в груди нарастала паника. Он отчаянно переживал, что из-за такой скверной езды молодой господин сочтёт его неумёхой и без жалости прогонит со службы.

На полпути кони внезапно заартачились и тревожно заржали. В то же мгновение Цзи Ло резко натянул поводья. Он вскинул руку, приказывая отряду остановиться. Сопровождавшие их воины без лишних слов спешили, обнажая клинки, и плотным кольцом окружили экипаж Хан Сиэня и принца.

От грозного предчувствия у Ань Цао перехватило дыхание. Смертельно побледнев, он проследил за взглядом Цзи Ло и застыл: сквозь пелену дождя из лесной чащи бесшумно проступали тёмные силуэты. Десятки молчаливых людей в чёрных одеждах и масках брали их в плотное кольцо.

У слуги от ужаса подкосились ноги — нападавших было по меньшей мере вдесятеро больше, чем защитников.

Дверца повозки приоткрылась, и Хан Сиэнь выглянул наружу; косой дождь тут же окропил его плечи. В напряжённой лесной тишине скрип дерева прозвучал неожиданно резко, словно брошенный в застоявшуюся воду камень. Воздух мгновенно сгустился до предела.

Цзи Ло соскочил с седла. Сохраняя царственное величие, он полоснул ледяным взглядом по нападавшим:

— Кто вы такие и что вам нужно? Известно ли вам, на кого вы дерзнули поднять руку?

Предводитель засады медленно поднял руку. Его голос, хриплый и свистящий, напоминал

скрежет железа о камень:

— Отлично знаем. Третий принц и наследник Хань, устроившие резню среди цзяннаньских чиновников. Именно вы нам и нужны. Точнее, ваши головы. Кончайте их!

По этому сигналу убийцы лавиной ринулись в атаку.

Увидев хищный блеск клинков, Ань Цао едва не бросился наутёк, но, встретившись взглядом с абсолютно спокойным Хан Сиэнем, пересилил себя. Встав перед хозяином живым щитом, он мёртвой хваткой вцепился в поводья обезумевших от страха коней, силясь направить их так, чтобы они копытами размозжили черепа нападавшим.

То ли от хлещущей по щекам воды, то ли от избытка чувств Ань Цао шмыгнул носом и зло скалился:

«Даже если сгину здесь сегодня, хоть одну тварь за собой утяну!»

В прежней жизни Цзи Ло не доводилось попадать в подобные переделки на большой дороге, и сейчас он испытывал странное, ни на что не похожее чувство. Мастером клинка он был недурным, способным постоять за себя, но против превосходящего числа подготовленных головорезов его умений откровенно не хватало — приходилось лишь ожесточённо отступать.

Один из его личных гвардейцев, отбивая очередной выпад, прохрипел:

— Ваше Высочество, мы пробьём брешь! Уходите!

Цзи Ло понимал, что это единственный разумный выход. Вскочи он в седло прямо сейчас, под прикрытием верных людей у него оставался шанс спастись. Однако он бросил мимолётный взгляд на повозку Хан Сиэня и отступить не пожелал.

Схватив перепуганного Ань Цао за шкурку, принц швырнул его внутрь экипажа, поближе к Хан Сиэню. Сам же перехватил поводья и, дождавшись, когда взмыленный жеребец взвился на дыбы с оглушительным ржанием, точным выпадом пронзил грудь наёмника, сумевшего прорвать оцепление.

Лес огласился яростным звоном стали и криками раненых.

Двадцать гвардейцев принца дрались отчаянно и умело, но врагов было слишком много, и они ни в чём не уступали им в мастерстве.

Наёмники били наверняка, целясь исключительно в Цзи Ло и Хан Сиэня. Каждый удар был смертоносным: малейшее замешательство — и холодная сталь срезала плоть до кости.

Кровь из ран хлестала ручьями, мгновенно размываемая потоками безжалостного дождя.

Поняв, что защитники пытаются развернуть экипаж для бегства, убийцы хладнокровно прирезали лошадей, лишая беглецов последней надежды. Хан Сиэнь и Ань Цао едва успели выскочить из кренящейся набок повозки, прежде чем та с грохотом рухнула в грязь.

Кое-как поднявшись с земли, Ань Цао судорожно подобрал два окровавленных меча. Один он протянул Хан Сиэню, а второй выставил перед собой дрожащими руками. Вокруг лежали груды тел в чёрном, но и отряд сопровождения понёс страшные потери — на ногах у принца оставалось всего трое израненных бойцов.

Из последних сил эти трое прикрывали собой Цзи Ло и Хан Сиэня.

Нападавшие не собирались давать им передышки. Снова взметнулись клинки. Глядя на летящую на него смерть, Цзи Ло на миг словно вернулся в день своей гибели, когда тучи стрел неслись прямо ему в грудь. Накатило знакомое, удушливое чувство бессилия.

Вдруг один за другим наёмники, прорывавшиеся к Хан Сиэню, повалились замертво. Их черепа и виски были насквозь пробиты обычными сосновыми ветками. Ань Цао вскинул голову и сквозь пелену дождя увидел скользящего по верхушкам деревьев Бай Шу.

В этот миг Ань Цао готов был молиться на него, как на спасителя.

Приземлившись прямо перед ними, взмокший от ливня Бай Шу быстро оглядел Хан Сиэня и Цзи Ло. Убедившись, что они целы, он коротко бросил:

— Мой брат с отрядом уже близко. Держитесь.

Не теряя ни мгновения, он выхватил меч из рук Хан Сиэня и вихрем врубился в ряды врагов. Каждый взмах его клинка косил нападавших десятками.

Появление мастера такого уровня вернуло Цзи Ло угасающую надежду. Почувствовав прилив сил, он с новой яростью включился в бой.

Хан Сиэнь же не сводил глаз с Бай Шу, и брови его хмурились всё сильнее.

Когда к месту схватки подоспел отряд генерала Бай Вэньханя, битва уже превратилась в кровавое месиво.

В этой безумной суматохе один из нападавших исхитрился достать Хан Сиэня. Стальное остриё целило прямо в горло, но юноша успел уклониться, и удар пришёлся в плечо. Заметив это, Бай Шу взревел от ярости и сокрушительным ударом ноги отправил убийцу в затяжной полёт.

Однако, бросившись на защиту хозяина, сам Бай Шу открыл спину. Слишком поздно среагировав на шорох позади, он пропустил удар — клинок пронзил его левый бок. Не издав ни звука, Бай Шу перехватил голое лезвие ладонью, резко развернулся и одним точным движением перерезал горло нападавшему.

Чуть поодаль Цзи Ло рухнул на колено — вражеский меч глубоко рассёк его бедро.

Люди генерала Бая были закалёнными в пограничных сражениях ветеранами, для которых смерть была привычным делом. Осознав, что численный перевес утерян, предводитель нападавших резко свистнул.

Оставшиеся в живых наёмники тут же растворились в лесной чаще. Оценив обстановку, Бай Вэньхань не стал организовывать погоню, приказав вместо этого немедленно связать и обезоружить всех раненых врагов, оставшихся на поле боя.

Однако, когда его взгляд упал на Бай Шу, чья изрезанная ладонь всё ещё сочилась кровью, лицо генерала потемнело. Он окинул Хан Сиэня тяжёлым, полным неприкрытой неприязни взглядом.

Сам Бай Шу даже не посмотрел на свои раны. Его преданный, полный тревоги взгляд был прикован к окровавленному плечу Хан Сиэня:

— Молодой господин... Вы в порядке? — взволнованно спросил он.

<http://bllate.org/book/20088/2002037>